

АЛЕКСЕИ БРУСНИЦЫН ВРЕМЕНИ НЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Приключения Буратино

Алексей Брусницын

Времени нет

«Автор»

2020

Брусницын А.

Времени нет / А. Брусницын — «Автор», 2020 — (Приключения Буратино)

ISBN 978-5-532-94634-7

Все нормальные люди боятся смерти: материалистов страшит небытие, идеалистов — отсутствие надежной гарантии попадания в рай. Некоторым страх смерти даже мешает жить... Как учил Эпикур: "Не бойся смерти: пока ты жив — её нет, когда она придёт, тебя не будет." Главный герой повести не из тех простаков, которых утешает подобная софистика, но и не из паникеров. Однако он уже в том возрасте, когда близость смерти заставляет задуматься о том, чего достиг в жизни и что оставит после себя. Не он первый, кто понимает, что по большому счету — ничего... Это кого угодно огорчит, но происходят события, заставляющие по-новому взглянуть как на собственную короткую жизнь, так и на тысячелетнюю историю человечества.

ISBN 978-5-532-94634-7

© Брусницын А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Prolog	5
I	13
1	20
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Брусницын

Времени нет

Вот так и живём... Сначала кажется, что не зря, что вот-вот поймём зачем. А потом, когда выясняется, что всё-таки незачем, тогда-то и начинается самое интересное!

Prolog

Насколько всё-таки несоизмеримы одинаковые отрезки времени, проживаемые в разных условиях! Например, последний год тюремного заключения и последний год жизни по медицинскому прогнозу. В первом случае этот срок представляется ужасно долгим, а во втором – ничтожно малым. Однако ожидание свободы гораздо веселее ожидания смерти, а строгий режим куда мягче постельного.

По мнению специалистов, Антону Сергеевичу осталось жить меньше года, и его последние дни неизбежно будут омрачены всеми «прелестями» конечной стадии развития рака головного мозга: боль, тошнота, потеря памяти, помрачение сознания, могут ещё добавиться эпилепсия и паралич... а потом снова боль.

– Я готов на операцию, даже если её успех будет маловероятен, – лепетал он в кабинете заведующего онкологическим отделением.

– Опухоль у вас, к моему глубокому сожалению, неоперабельная, – плохо изобразил сожаление доктор. – Если мы её удалим, станете овощем. Но для этого надо ещё после операции выжить, что у вас вряд ли получится. Сейчас ведь с вами все хорошо, не так ли?

Больной кивнул неуверенно.

– Вот и наслаждайтесь светлыми деньками. Гаудеамус, так сказать, игитур... Ювенес... – доктор хотел было продолжить, но осознав неуместность дальнейшего цитирования¹, остановился и быстро взглянул на пациента. – Вы, кажется, учёный? Помните, как там дальше?

Больной удивлённо поднял брови.

– Доктор, я вообще-то математик по образованию. У нас латынь не нужна. Разве что буквы...

– Да и в медицине, впрочем, тоже. Атавизм... Так вот. Никто не знает, сколько их ещё будет, этих ваших светлых дней. Может, месяц, а может, и полгода. Зачем вам в больнице торчать? Милейший... – доктор бросил взгляд на бумаги перед собой, – Антон Сергеевич. Помните «Достучаться до небес»? Потом ещё этот фильм... с Николсоном... – он пощёлкал пальцами. – «Пока не сыграл в ящик»! Не видели? Посмотрите. Некоторые умудряются прожить эти последние месяцы более насыщенно и интересно, чем все предыдущие годы. В общем, гуляйте побольше, дышите свежим воздухом. Винца можете в разумных пределах выпить... А когда заболит, вернётесь к нам, и мы облегчим ваши страдания. Сейчас наша задача уже не вылечить вас, это невозможно, а сделать максимально комфортным процесс м-м-м... – он замялся, подбирая слово, но передумал и выразительно посмотрел на часы.

– Неужели ничего нельзя сделать? – больной в отчаянии всплеснул руками. – Может быть, какие-то новейшие способы лечения? Я найду деньги!

Доктор мрачно ухмыльнулся.

¹ В переводе первая строфа студенческого гимна «Гаудеамус» звучит так: Давайте же радоваться, Пока мы молоды! После весёлой молодости, После тягостной старости К нам придёт смерть. (Здесь и далее примечания автора.)

– Слушайте, если уж так вам охота деньги потратить – поезжайте в Израиль. Они там берутся за все подряд. Выиграете годик-два, да без штанов в гроб и ляжете... – и снова посмотрел на часы.

По дороге домой Антон Сергеевич размышлял о том, как это унижительно для мыслящего существа – умирать. О том, что худшее, что может случиться с человеком – это смерть, так почему же именно она, как награда, ожидает его в конце пути? О том, что когда-нибудь человек, подтверждая свой гордый статус, научится жить столько, сколько нужно ему, а не сколько отмерила дура-природа, и как это обидно – умереть раньше, чем это произойдёт... Чёрт возьми! Да если бы люди не теряли время на войны, инквизиции и прочие пустяки, уже давно научились бы синтезировать органы и оцифровывать сознание. Жить вечно.

Вспомнив последние слова доктора, возмутился: «Вот ведь гад какой гладкий! А годик-то, тем более два – не пустяк...»

Уже через полгода разгуливал Антон Сергеевич по осенней Кесарии – древнему поселению на берегу Средиземного моря, живой и невредимый, если не считать шрама от трепанации черепа.

Перед этим была продажа квартиры в Москве. Он решился на этот шаг, почти не колеблясь – зачем одинокому, умирающему человеку недвижимость в стране, куда он, скорее всего, больше не вернётся? Отдал свою трёшку на Кутузовском даже не за полную стоимость – лишь бы побыстрее. В любом случае, это были большие деньги. Кроме того, у Антона Сергеевича имелись кое-какие накопления. В общей сложности около трёхсот тысяч долларов, и он рассчитывал пожить на них красиво, сколько бы ему ни осталось...

Дальше – репатриация². Очень быстро собрал он требуемые документы и с первого раза прошёл собеседование с консулом, который сказал умирающему «кен», то есть «да» на иврите, несмотря на то, что евреем тот был всего на четверть.

О том, что он, как внук еврея, имеет право на репатриацию, Антон Сергеевич знал давно. Его просветил сокурсник, который иммигрировал в Израиль ещё до развала СССР. Как-то в телефонном разговоре он расписывал прелести заграничной жизни и призывал оставить формальную родину ради родины исторической. Тогда Антон Сергеевич резко осадил его и полусути, но категорично потребовал прекратить сионистскую пропаганду.

Позже, в девяностых, из любопытства он однажды сходил в еврейское агентство. На тот момент в Израиле шла очередная война, и ему отсоветовали ехать в эту страну, да он и не собирался...

Прямо в аэропорту «Бен Гурион» чиновник Министерства внутренних дел – неторопливый добродушный человек с чёрной ассирийской бородой и выющимися пейсами – выдал Антону Сергеевичу теудат зеут, то есть паспорт. Перед этим, заполняя данные, он спросил на чисто русском языке:

– Какое имя выберите?

– В каком смысле? – удивился Антон Сергеевич.

– Получая израильский паспорт, вы можете записать себе любое имя. Вы можете быть, например, Натан или Йонатан, – эту возможность чиновник преподнёс как щедрый дар от государства Израилева.

Было даже как-то неудобно отказываться...

– И Моисей можно?

² Репатриация – возвращение на Родину. В настоящее время программы по репатриации на государственном уровне осуществляют две страны: Израиль и Болгария.

– Конечно. Прекрасный выбор! Значит, Моисей? – обрадовался чиновник и занёс руку над клавиатурой.

– Да ну что вы, – отмахнулся Антон Сергеевич. – Пишите как есть. Что ж мне на старости лет в Моисеи подаваться...

Когда с именем было покончено (причём в паспорт вписали не только папу, но и маму), чиновник задал следующий вопрос:

– Какую национальность запишем?

– Ну пишите – еврей. Зря я, что ли, происхождение своё доказывал? – ответил новоиспечённый репатриант устало, он был порядком измотан многочасовым перелётом.

Чиновник не спеша потыкал в кнопки и пожал плечами.

– К сожалению, не могу. У вас дедушка, да ещё по отцу... Мы ставим национальность «иудей» только галахическим евреям, то есть унаследовавшим кровь по материнской линии. Но если хотите, я могу поставить прочерк.

– Как вы сказали? Галактическим?

– Галахическим. То есть по Гáлахе – это традиционное иудейское право, – терпеливо пояснил чиновник.

– Тогда ставьте прочерк, – великодушно разрешил Антон Сергеевич.

Идея с прочерком показалась ему удачной, поскольку кроме дедушки-еврея, другой дедушка у него был наполовину поляк, бабушка по матери – украинка, а по отцу – на четверть башкирка. Так что русской крови в нем было ненамного больше, чем еврейской или украинской, а то и меньше. Так что, если отслеживать национальность по материнской линии, получалось, что Антон Сергеевич – галахический хохол.

– Вероисповедание? – задал чиновник следующий вопрос и пытливо уставился на респондента.

В Москве, в еврейском агентстве, предупреждали, что ни в коем случае нельзя ляпнуть «христианин» в ответ на этот ключевой вопрос – просто депортируют прямо из аэропорта ближайшим рейсом. Можно было назвать любую религию, даже ислам. Можно было оказаться, прости господи, атеистом, но никак не приверженцем Иисуса – рождённого на этой Земле галахического еврея...

– Агностик, – решил похулиганить Антон Сергеевич. На самом деле он был чистой воды атеистом, потому что полагал, что не может здравомыслящий человек, тем более с высшим естественно-научным образованием, верить во всякую чепуху.

– Интересно, – бюрократ снова полез в компьютер, – сейчас проверим, есть ли такая опция...

– Оказывается, нет, – через минуту вздохнул он и вопросительно посмотрел на Антона Сергеевича.

Тот махнул рукой.

– Ставьте прочерк.

Потом была операция. Все произошло очень быстро. После недельного обследования он подписал бумаги, в которых значилось, что пациент предупреждён о рисках, связанных с оперативным вмешательством, что доверяет специалистам клиники выбор метода лечения, и что в случае неблагоприятного исхода клиника ответственности не несёт.

Его накачали веществами, от которых всё происходящее стало совершенно безразлично, и повезли в операционную. Когда на следующий день он пришёл в себя, ему сказали, что всё прошло успешно и ему больше не о чем беспокоиться.

Уже через две недели Антона Сергеевича выписали, даже не сняв швы. Ему объяснили, что, как гражданин Израиля, он получает лечение бесплатно и, если останется в клинике дольше, то займёт чужое место.

Перед выпиской он спросил у русскоязычного медбрата, где ему в Израиле лучше всего снять домик на время реабилитации. Куражась, медбрат посоветовал ему Кесарию – израильскую Барвиху, в которой живут только миллионеры. Однако упрямый старик даже после того, как медбрат признался, что пошутил, упросил его помочь найти на ивритоязычных сайтах дом именно в этой самой Кесарии и договориться о встрече с хозяином.

Приехав в Кесарию на такси, Антон Сергеевич снял небольшую виллу с бассейном за двенадцать тысяч шекелей (или почти три с половиной тысячи долларов) в месяц, не торгуясь, вопреки рекомендациям еврейского агентства торговаться при каждом удобном случае. Домовладелец – чопорный ортодокс в полной боевой выкладке (широкополая шляпа, чёрный лапсердак, жилетка, свисающие до колен белые шнурки от исподней рубахи) хоть и выглядел для непривычного глаза крайне нелепо и карикатурно, но держался важно. Чувствовалось, что он настоящий иудей по Галахе, не то, что некоторые...

Приняв и проворно пересчитав наличные сразу за два месяца, он сказал с забавным ближневосточным акцентом:

– Велькам ту зэ Холи Ленд, – и не спеша удалился.

План у Антона Сергеевича был такой: пару месяцев он проведёт в Кесарии. Раз в жизни побывает в шкуре миллионера – отпразднует таким образом своё второе рождение. Будет питаться в ресторанах и путешествовать по стране. За это время решит: возвращаться в Россию или оставаться в Святой Земле. Второй вариант был даже более вероятен – российская действительность последних десятилетий несколько расшатала его патриотизм. В этом случае он сможет купить скромную квартирку в приглянувшемся ему городе, а оставшихся денег и пенсии хватит ему до самой смерти, чтобы жить, не думая о хлебе насущном.

* * *

Пытаясь найти короткий путь к морю от своей виллы, Антон Сергеевич забрёл не туда... Асфальтовая дорога закончилась кольцом, от которого в сторону берега тянулась заросшая травой тропинка. Причина её запущенности стала ясна очень быстро: она упиралась в засыпанную песком пустошь и пропадала. Далее предполагалось идти по песку, и, хотя слышен был уже морской прибой, форсировать пустошь оказалось невозможно. Ноги увязали в обжигающем песке по щиколотку, и их приходилось вытаскивать с большими усилиями. Шагов через тридцать он взмок и запыхался. Пришлось отступить. Тем более что берега путник так и не увидел; песчаные завалы, вопреки логике, по мере приближения к морю становились только выше.

Когда он выбрался на твёрдую землю, в висках шумно билась кровь, а перед глазами метались белые точки. Нашупал в рюкзаке бутылку прохладной содовой и долго пил, пока дурнота не отпустила. Вытряхнув песок из сандалий, Антон Сергеевич осмотрелся и убедился в том, что другого пути, кроме как через пески, нет – на севере обзор закрывал высокий земляной вал, отделяющий Кесарию от арабского поселения, южнее были непроходимые заросли.

«Значит, не судьба!» – Антон Сергеевич решил отложить экспедицию на следующий день и повернул к дому.

Остаток дня провёл в Сети, разыскивая информацию об истории поселения, в котором временно обосновался в Израиле. Оказалось, именно из Кесарии Понтий Пилат правил римской провинцией Иудея в течение десяти лет, после чего в тридцать шестом году нашей эры за жестокость и злоупотребления был отозван в Рим. Там след его потерялся. Согласно легенде, он покончил жизнь самоубийством, но Антон Сергеевич усомнился в её правдивости. Не поверил, что прожжённого и циничного политика могла замучить совесть из-за какого-то казнённого по его попущению плотника...

Ближе к ночи с бутылкой местного вина и тарелкой сыра выздоравливающий поднялся на крышу. Прохладный воздух начала октября нёс в себе запахи цветущей по сезону растительности и остывающего бетона. Море, образующее горизонт днём, сейчас было черно и отличалось от неба только отсутствием звёзд, которые можно было разглядеть в изобилии; электрический свет фонарей и окон вилл делал небесную иллюминацию лишь ненамного бледнее, не так, как в городе. Где-то, презирая грядущие будни, звенела голосами и музыкой чья-то бестолковая молодость. Он сидел на крыше, пока не замёрз...

На следующий день Антон Сергеевич, тщательно изучив карту и фотографии местности со спутника, взятые в интернете, решил пойти в другую сторону. В шесть часов вечера, когда жара слегка отпустила, вышел из дома.

Изрядно потрескавшаяся, местами залитая цементом, местами асфальтовая пешеходная дорожка вела мимо стриженной зелени, за которой прятались жилища израильской элиты. Лишь немногие из них выставляли в растительные прогалины свои бетонные достоинства, которые конкретными прямоугольными очертаниями претендовали не то на постмодернизм, не то на конструктивизм.

Вчера, когда шёл на север, он не встретил на своём пути ни одного человека. Сегодня навстречу ему изредка попадались прохожие, но он не спрашивал у них путь, хотел найти его сам.

Не дойдя метров трёхсот до поворота, который, судя по карте, должен был вывести на пляж, Антон Сергеевич увидел тропинку, ныряющую в темноту между деревьями. Солнце еще припекало, и он мог идти вдоль дороги дальше без риска заблудиться или забрести в тупик, но предпочёл зною тень, презрев определённую.

В экзотических зарослях пахло прелью почти так же, как в подмосковном лесу, или это обоняние подводило его, не отмечая разницы. Очень скоро путник услышал, как ему показалось, шум прибоя. Он подумал, что удачно свернул, здорово сократив путь, но, когда заросли внезапно кончились, вместо пляжа его взору открылось несуразное великолепие: между верхушками пальм торчал античный портик, покоящийся на пышных коринфских капителях, и крыша галереи, увенчанная пузатыми урнами. Причём выглядело это все слишком свежо и неестественно. Антон Сергеевич достал телефон, сделал снимок и приблизил изображение. Да-да, материалом для этой стилизации послужил все тот же вездесущий бетон... Остальное было скрыто живой изгородью, которая окружала огромную территорию. Дворец римского наместника Понтия Пилата в исторической части Кейсарии, которую он осматривал на днях, занимал гораздо меньшую площадь. Шум воды оказался не прибоем, а журчанием множества фонтанов, извергающих в небо столь драгоценную тут, по соседству с Африкой, пресную воду.

«Вот это понты... – подумал он и улыбнулся внутренне: – Понтыон!»

Он было продолжил путь к морю, но его внимание привлёк ещё один шедевр бетонного зодчества. Шагах в двухстах от «понтыона» обнаружили развалины огромного дома в кричаще восточном стиле. Впрочем, это не были обычные развалины...

Обычные развалины появляются после того, как строение, прослужив некоторое время, приходит в негодность. Эти же образовались не в результате губительного воздействия стихий или времени – здание было заброшено ещё на этапе строительства.

Территория, вся заросшая сорняками, сухими, колючими и пыльными, была огорожена временным забором из проволочной сетки. В одном месте она валялась на земле, и Антон Сергеевич перешагнул через неё, привлечённый грандиозностью архитектурного замысла. Перед главным входом бетонным бордюром высотой по пояс был обозначен огромный фонтан. За фонтаном под таджмахаловым полушарием купола зияли арки парадного входа. Пройдя через одну из них, он очутился в просторной прихожей под сводчатым потолком.

Антон Сергеевич представил, как было бы здорово оказаться в этом месте в детстве, когда сырой подвал многоквартирного дома легко представлялся сказочной пещерой, а засиженный голубями чердак – порталом в иной, волшебный мир.

Он решил реанимировать в себе чувство чудесного и с полчаса бродил по недоделанным галереям и коридорам, которые, вопреки гигантизму прихожей, были такими узкими, что двоим было бы трудно в них разминуться. Заканчивались они множеством крохотных келеек, большинство из которых выходило окнами в два внутренних двора с заготовками фонтанов. Видимо, обилие устройств, впустую расходующих воду, должно было подчёркивать высокий социальный статус владельца этого странного жилища.

«Дворец понтышаха», – Антон Сергеевич даже хмыкнул вслух. Бродить по кладбищу чужой мечты стало скучно. Выбирая, куда поставить ногу без риска подвернуть её на строительном мусоре, он вдруг вспомнил, как много лет назад ходил по другим развалинам...

Было холодно и тихо. И никакого освещения, кроме фонаря в его руке. Он старался ступать тише, но, если светить под ноги, выбирая место для следующего шага, то невозможно уследить за тем, что происходит вокруг – поэтому скрип каменной крошки под ботинками выдавал его местоположение.

Твари, веками жившие в темноте, были слепы, но слышали очень хорошо. У него был только один вариант выжить – успеть выстрелить до того, как мелкие острые зубы проткнут его кожу, ведь в следующую секунду ядовитая слюна проникнет в кровь и нейротоксин лишит возможности сопротивляться.

Свет от фонаря большим пятном ощупывал близкие стены и вдруг превратился в маленький кружок далеко впереди. Узкий проход вывел в крупную каверну. Инстинктивно он понял, что не один в помещении...

Замер. Насколько это было возможно бесшумно взвёл курок револьвера и прислушался. Из темноты донёсся слабый звук, который мог быть результатом как падения капли воды, так и чьего-то неосторожного движения. Он повёл лучом фонаря в сторону звука и вдруг кожей на затылке почувствовал движение воздуха прямо за спиной. Резко развернулся. Тени метнулись вокруг. Луч фонаря выхватил из темноты оскаленную пасть. Палец на курке инстинктивно дёрнулся. Выстрел прогремел так, что заложило уши.

Следующим ощущением стала адская боль в глазах, носу и горле...

В разгар девяностых, будучи начальником вычислительного центра, Антон Сергеевич подрабатывал ночным сторожем. Зарплата в университете была чистой формальностью, и он решил, что ему по большому счёту все равно, где ночевать, если за это хотя бы что-нибудь платят. Охранять ему досталось бывший детский сад – некая страховая компания выкупила его у государства и собиралась сделать в нем офис.

Сидеть всю ночь в комнате для сторожей было невыносимо скучно. Жёлтый свет, унылые обои. Спартанский топчан, даже не топчан, так, подставка под пытающегося уснуть человека. Письменный стол, как матёрый уголовник, весь расписанный синими чернилами, тэн с голой, разогретой дожелта спиралью. Даже читать в этой тоскливой юдоли было неинтересно. Он часто останавливался, смотрел, сколько страниц осталось... На столе поверх «татуировок» лежало стекло, под стеклом – отпечатанная на машинке инструкция для сторожей.

По инструкции обход территории нужно было производить два раза за смену. Вот это он проделывал с удовольствием. Поначалу даже не два, а три-четыре раза, чтобы размяться и поразвлечься, а заодно представить себя в роли персонажа компьютерной игры. Делал он это не только для развлечения, тогда у него была идея написать квест.

Вверенный его попечению объект пребывал в запустении, видимо, не первый год. В те времена государство внезапно разучилось содержать учреждения социального назначения.

Окна по большей части были разбиты. Все помещения, кроме комнаты для сторожа и единственного работающего туалета, засыпаны мусором, а стены расписаны граффити, кое-где, кстати, на удивление, неплохими. Лучше всего запомнился ему глаз, выписанный широкой кистью на жёлтой стене тремя красками: красной, чёрной и белой. Глаз, изображённый вне лица, выражения не имел, но, казалось, смотрел прямо в душу, особенно ночью, в свете фонаря. Ещё неплох был исполненный черным портрет зубастого уродца – то ли вампира, то ли инопланетянина.

Сторожу полагался газовый револьвер – бельгийский короткоствольный «Бульдог» – и фонарь. Отправляясь в обход, он превращался то в бойца спецназа, то в охотника на ведьм, то в космического первопроходца. Однажды произошло то, что неизбежно происходит, если играть с оружием. Оказалось, что в щель между барабаном и корпусом револьвера проходит слезоточивый газ. Оружие действовало как заклинание «Армагеддон» в компьютерных играх – поражало и своих, и чужих...

Промыв глаза, он хотел было придумать историю про хулиганов, которых пришлось отгонять выстрелом в воздух, но потом решил не омрачать карму ложью и признался, что выстрелил случайно. Эта работа за три недели изрядно ему надоела, да и сюжеты для обходов стали повторяться, он даже хотел, чтобы его уволили... Зарплату получил месяца через четыре, тогда везде задерживали, и хорошо ещё, если вообще платили. Инфляция была лютая, денег хватило только на фланелевую рубашку...

* * *

Антон Сергеевич обнаружил себя сидящим на ступенях широкой лестницы во внутренний дворик и смотрящим в одну ничем не примечательную точку... Он ударил ладонями по коленям, резко встал, отряхнулся и пошёл в направлении выхода. Вопреки ожиданиям, экскурсия по дворцу «понтышаха» навеяла тоску.

Что же произошло с человеком, который строил этот арабский рай для себя, для семьи, да так и не достроил? Разорился? Или умер, и некому оказалось довести до ума главное дело всей его жизни? Или, может, сосед из «понтыона» помешал? Не захотел дикого соседства классического и восточного стилей...

Чтобы разогнать гнетущую тишину, Антон Сергеевич деланно весело произнёс вслух:
– Ещё не вечер!

Однако, оглядевшись, понял, что это неправда. Солнечных лучей уже не было, воздух и растительность вокруг стали серыми.

От «дворца понтышаха» до берега оказалось рукой подать. Акведук – бесконечная череда арок, идущих вдоль пляжа к древней части Кесарии, – особого впечатления не произвёл, хоть и был построен не из бетона, а из известняковых кирпичей, пористых, как пемза, от древности.

Он вышел к пляжу как раз вовремя. На берегу, кроме него, никого не было. Солнце торопилось укрыться от глаз единственного наблюдателя. По мере приближения к воде светило становилось больше и, казалось, двигалось все быстрее. Соприкоснувшись с водным горизонтом, расплывшись, застыло на миг, затем лопнуло, как яичный желток, и стекло за край. Небо быстро почернело, и на нем ярко зажглись звезды. Здесь, на тёмном берегу, они все-таки были гораздо ярче, чем вчера, когда он смотрел на них с крыши...

А он сидел прямо на песке под аркой акведука и думал не о природных красотах, не о величии Вселенной, а о себе. О том, что становится холодно, а он так далеко забрался, устал, и непонятно, как дойдёт до дома в темноте. О том, что болезнь может вернуться, о том, как близка смерть. О том, что когда-то был большим учёным, одним из тех, кто меняет мир к лучшему силой мысли, а в итоге разменял жизнь на спекуляцию своими знаниями, талантом и энергией. В результате в свои шестьдесят семь оказался бесполезен, неизвестен и одинок...

И вдруг он заплакал. Не громко, нет. Не разрыдался, как хотелось, не возопил на весь берег, вознося хулу небесам и потрясая высохшими кулачками... тихо, но очень горько.

Потом старик успокоился. Кажется, он задумался, или уснул, или умер. Во всяком случае, время для него остановилось...

* * *

Кто-то схватил его за плечо и потряс. Антон Сергеевич поднял голову. Перед ним стоял человек в костюме древнеримского легионера, поодаль несколько всадников на лошадях. В руках у двоих – факелы. «Легионер» строго и даже как-то торжественно спросил:

– Кто ты и что делаешь здесь в такое время?

«Аниматоры, наверно», – подумал Антон Сергеевич.

– Оставьте меня в покое, мне не до ваших игр. Руки уберите! – ответил он, отворачиваясь и движением плеча сбросил тяжёлую руку.

Его снова схватили и грубо дёрнули, разворачивая к себе.

– Что ты, иудейская собака, имеешь против игр в честь высокочтимого префекта Палестины и Иудеи Понтия Пилата? – из темноты под шлемом на него уставились горящие злобой глаза, лицо обдал кислый смрад чужого дыхания.

От такой беспардонности Антон Сергеевич опешил на мгновение. Но в следующий момент волна доселе никогда не испытанного, неудержимого гнева ударила в голову, а потом растеклась по всему телу, напитав его бешеной энергией. Он вскочил и закричал на заигравшегося идиота:

– Сам ты, гулящая женщина, собака иудейская! Вы что тут, форму члена обрели, что ли, все?!

Он хотел выразить негодование в гораздо более резкой форме, но вдруг понял, что говорит на каком-то странном языке, который не допускал излишней экспрессии в эпитетах.

У аниматора перекоилось лицо. Он замахнулся с явным намерением ударить. Но рука его была перехвачена на полпути, а точный апперкот в подбородок отключил сознание. Громя, как железный голем, «легионер» повалился на колени, а потом на песок лицом вниз.

Антон Сергеевич с изумлением посмотрел на поверженного противника, потом на свои руки, которые оказались такими сильными. Растопырил пальцы и снова сжал их в кулаки. Аниматоры прыгали с лошадей и тянули из ножен оружие, которое звенело совсем как настоящее. Он наклонился к поверженному и нашарил в темноте рукоять меча...

I

Проснулся от того, что на спине лежать стало неудобно. Повернулся на бок, но неудобства от этого только прибавилось. Пошарил руками – что-то очень жёсткое – как будто земля. Плотная, утоптанная, в мелкой каменной крошке. Удивился и сел. Первая мысль была, что проснулся где-то на улице. Но почему так темно? Ни звёздочки, ни ветерка, спёртый воздух...

Прислушался к себе. Ощущения – как при тяжёлом похмелье. Тошнило, болел затылок. Ощупал голову. Волосы испачканы липким. Понюхал пальцы – кровь. Похоже, разошлись швы.

«Так... Я гулял. Искал пляж. Нашёл. Акведук. Закат. Море. Загрустил... Уснул, наверное... Сон странный: факелы, кони, римляне. Я с ними говорил, потом дрался. Отобрал у одного меч и довольно ловко им отбивался. Обычно во сне драться не получается: движения вялые, удары слабые. А тут... Ранил или даже убил кого-то, доспех пробил, как консервную банку... Проснулся здесь. А где, чёрт возьми, здесь? И сколько времени?»

Полез в карман за телефоном. Кармана на месте не оказалось. Судорожно ощупал себя. Грубой ткани рубаха без воротника и пуговиц, такие же штаны, какая-то веревка вместо ремня... Никакого намёка на карманы и на телефон с бумажником. Босой...

Попробовал встать на ноги, но голова закружилась так, что потерял равновесие. Встал на четвереньки и пополз вперёд, ощупывая пространство перед собой вытянутой рукой. Очень скоро наткнулся на стену явно искусственного происхождения – вертикальную и ровную. Пополз вдоль стены вправо, через пару метров упёрся в угол, двинулся дальше...

Помещение оказалось прямоугольным, предположительно квадратным, со стороной метра в три. Ползая, наткнулся на стоящий на полу кувшин и чуть его не опрокинул. На ощупь кувшин был шершавый, как будто, глиняный, в нем что-то булькнуло. А в одном из углов нашарил горшок из того же материала, с крышкой. Он был пуст, но от него шёл запах, который задавал тон воздуху в помещении и не оставлял сомнений в предназначении предмета.

Двери нигде не было...

Превозмогая дурноту, встал, опираясь на стену, вытянул вверх руки. Подпрыгнул – никакого намёка на край стены или потолок. От прыжка боль ударила в затылок, голова сильно закружилась. Снова сел и облокотился на стену.

Пока ползал, в ладони и колени больно врезались мелкие камешки. Нашарил один и подбросил вверх. Камешек упал через мгновение, не встретив наверху преграды. Нашёл ещё один и бросил сильнее. Прежде чем упасть, камешек обо что-то щёлкнул. Значит, потолок все-таки есть...

Тут по-настоящему стало страшно. Настолько, что зажмурился и закричал, что было мочи:

– Эй! Кто-нибудь! Я здесь! Помогите!!! Люди-и-и-и!!!

Голос звучал глухо, как будто в ушах была вата – стены поглощали звук. Никакой реакции на крик не последовало, но страх начал отпускать.

«Это сон такой. Когда просыпаешься, а на самом деле – нет. Приснилось, что проснулся... Надо просто проснуться по-настоящему. Но как?»

Принялся себя щипать. Сначала несильно, потом, наверное, до синяков – было очень больно. И очень реально. Боль отрезвила.

«Нет, я не сплю. Я в какой-то комнате или яме, из которой должен быть выход наверху. Если он вообще есть... Для начала рассмотрим вариант, что нет там никакого выхода...»

От этой мысли снова накрыло волной ужаса. Подождал, пока она схлынет. Осторожно потер гудящий затылок и попытался понять, как это вообще может быть – нет выхода.

«Что ж... Рассмотрим худший вариант. Я умер. В этом случае, вопреки ожиданиям, загробная жизнь все-таки существует. И я, определённо, в аду, потому что на рай это не

похоже... Да и на попадание в райские кущи в моем случае рассчитывать было бы смешно, хотя бы потому, что я ни в какие кущи не верю... Но все не так плохо, как могло бы быть. Кипящих котлов, во всяком случае, я тут не наблюдаю. Хотя... может, мой котёл как раз сейчас и нагревают как следует. Без спешки. Торопиться некуда...»

Почувствовал острый дискомфорт от долгого сидения на твёрдом. Прилёг на бок, оперев голову на руку. Так стало легче не только седалищу, но и голове.

«Так! А на кой чёрт тогда здесь этот горшок для нечистот?! Если грешнику суждено вечно мучиться и страдать, то уж точно без перерывов на отправление естественных нужд. Опять же кормить чем-то надо для этого... Вряд ли враг рода человеческого будет замораживаться обеспечением бесперебойного питания для постояльцев своей гостиницы... Да и вообще, не нужна душе пища плотская, а значит, и гадить ей нечем... Так! Хватит мракобесие тут разводить! Отметём этот вариант с негодованием».

Подполз к горшку и, эмпирически подтверждая факт продолжения своего земного существования, стоя на коленях, помочился. Потом переместился в противоположный угол, прихватив по дороге кувшин. В нем оказалась вода, немного затхлая, но всё равно освежила.

«Едем дальше... Рассмотрим вариант «похоронен заживо» или «замуровали ироды».

Во-первых, спасибо за такой просторный гроб. В обычном было бы куда печальнее. Удушье в тесноте... Какой кошмар... А сколько я тут времени уже? Пятнадцать минут? Полчаса? Час? Непонятно... И сколько времени надо, чтобы «выдышать» весь кислород в таком объёме? Этого я не посчитаю – исходных недостаточно. Да и воздух, похоже, не меняется, дышать труднее не становится, значит, есть доступ кислороду. Это радует. С этим ясно...

Что у нас «во-вторых»? А во-вторых, это не имеет смысла все из-за этого же горшка! Допустим, вода и воздух здесь для того, чтобы продлить мои мучения. Но горшок... Нет. Никак не вяжется. Обречь человека на жуткую смерть от голода... в темноте... и позаботиться о том, чтобы он страдал немного поэстетичнее... Чушь. Есть горшок – значит, меня не хотят убить, хотят чего-то другого. Надо же, как интересно получается, параша – как гарантия жизни...»

Ухмыльнулся, в затылке снова заломило. Поморщился.

«Так. Что тогда? Садист. Псих-одиночка... Или не одиночка, а клуб по интересам. Богатые кесарийские извращенцы, золотая молодёжь. Где-нибудь наверху стоит инфракрасная камера. Они смотрят и веселятся... Заключили пари, сколько, например, этот старик протянет на одной воде. Или просто хотят насладиться мучениями живого существа, как гадкие дети, которые бабочкам крылья отрывают. Тогда и параша – никакая не гарантия... Но вот что не вяжется: я ведь могу парашу эту разбить и черепком очень незрелищно вскрыть себе вены. И не будет никаких особенно интересных мучений».

Тут снова стало страшно. На этот раз съехал с волны ужаса, заорав во всю глотку:

– Не дождёсь, мерзавцы!

Буквально физически ощутил, как крик увязает в стенах.

«А с другой стороны, может, он или они этого и добиваются... Чем не зрелище?.. Короче! Не будем принимать эту гипотезу за рабочую из-за её ничтожно малой вероятности. Сюжет для триллера убогого, не более... Скорее всего тот, кто меня сюда посадил, хочет чего-то от меня добиться. Пытается сломать, чтобы был поговорчивей. Вымогатели какие-нибудь. Денег хотят. Думают, раз старикашка в Кесарии живёт, значит, богатый. Надо быть к этому готовым. Только и всего. В конце концов ничего страшного пока не происходит... Голова вот только болит...»

Казалось бы, пришёл к логичному умозаключению, и можно было бы начать продумывать тактику дальнейшего поведения, покрутить варианты взаимодействия с похитителями. Но что-то все равно продолжало смущать... Что-то странное... И вдруг понял.

«Сон этот! Вот что! Аниматор этот... Он спросил меня, я ответил... Я его понимал, и он меня понял. Но язык! Что это был за язык? Не русский, точно...»

Здесь, в Израиле, с теми, кто не понимает русского, можно объясняться по-английски. «Англист» тут знали все, кроме совсем уж диких арабов, с которыми и говорить было не о чем. Любознательный из сна заговорил первым, не на русском и не на английском, потом начал хватать руками и хамить.

«Вот тут как раз и нашло на меня какое-то помрачение. Волна гнева. Я хотел ответить грубой бранью, что странно и для меня нехарактерно... Но вместо этого получилось нечто вполне пристойное, хоть и нескладное... Но позвольте! Это же... Латинский? Ну да... Я откуда-то знаю, что это латинский... И я откуда-то знаю латинский?!»

От потрясения хотел вскочить, но был тут же остановлен болью в затылке. Аккуратно опустился на место и занялся переводом произвольных предложений с русского на латынь и обратно. Мёртвый язык был подвластен совершенно, можно было даже думать на нем, абсолютно не переводя на русский...

Утвердившись в этом, решил проверить, а не стали ли известны ещё какие-нибудь новые языки... Покопавшись во внутренних словарях, выяснил, что неплохой английский остался на том же уровне, что и раньше. Убогий французский так и остался убогим... По несколько фраз на немецком и испанском...

На иврите тот же набор слов, которого даже в магазине не хватает.

На арабском лишь «Собакин хер!». Все русские в Израиле знают, что это значит «Доброе утро!»

На итальянском, кроме слов, которые знают все, только: «Кванто коста квеста ривиста?» Наверное, теперь бы что-то понял, если бы слышал фразу на этом потомке латинского, но сам не смог бы построить предложение.

Что там ещё? По паре-тройке слов, в большинстве своём выражающих приветствие или благодарность, на языках некоторых бывших союзных республик... Здесь ничего нового...

«Конничива», «оригато» и «сайонара» на японском... И того меньше на китайском.

Проведя лингвистическую ревизию, заинтересовался следующей мыслью: а не добавили ли чудесным образом приобретённые языковые навыки каких-нибудь фактических знаний из истории народов, некогда говорящих на латыни?.. Нет. Не добавили. Все та же школьная программа про Древний Рим, плюс несколько книг и фильмов...

И вот тут спокойно и ясно осознал, что сошёл с ума!

В своей профессиональной деятельности сталкивался с проблемой изучения иностранных языков и знал разницу между ксеноглоссией и глоссолалией. То есть паранормальной способностью, появляющейся обычно после удара молнией, говорить на незнакомых языках (в это, как убеждённый материалист, не верил), и бредом пускающего пузыри сумасшедшего, воображающего, будто он говорит с ангелами.

«Сумасшествие все объясняет! Во время операции в мозгу что-то повредили, и вуаля! – сижу я в крошечной тьме и сам с собой на самодельном языке разговариваю, принимая его за латинский... А на самом деле я во вполне обыкновенной палате самого обыкновенного сумасшедшего дома. Но почему же тогда в ней нет кровати или на худой конец матраса?!»

Снова прилёг и, повозившись, нашёл более-менее комфортное положение.

«А потому что это не палата, а что-то вроде больничного карцера. Я откусил нос санитару или пытался надругаться над медсестрой и отбываю сейчас наказание».

И тут поразила следующая странность. Все это время, несмотря на головную боль, постоянно ощущал прилив энергии. Его можно было списать на адреналиновое возбуждение, но не могло же оно длиться вечно...

Ещё раз исследовал себя и с удивлением ощутил под пальцами упругую мускулатуру и отсутствие жира на животе и боках... Это только подтверждало версию о психическом нездоровье.

Попытки определить своё психофизическое состояние были грубейшим образом прерваны раздавшимся сверху грохотом, который показался ему ужасающим после абсолютной тишины. По глазам больно ударил яркий свет. Кто-то спросил:

– Эй! Ты живой там?

– Не знаю, – честно ответил он.

Рядом, чуть не зашибив, ударила об пол расшатанная деревянная лестница.

– Поднимайся! – скомандовал кто-то.

Несмотря на то, что каждое движение вызывало у него боль и дурноту, довольно легко вскарабкался наверх. Едва голова показалась над краем ямы, ему велели остановиться и крепко перетянули руки за спиной верёвкой. Потом, взяв за плечи, выдернули целиком на свет белый и поставили на ноги. Затылок взорвался болью, он чуть не потерял сознание и зашатался. Упасть не дали, ухватив за ткань рубахи.

Глаза не успели привыкнуть к свету, яркое солнце резало их бритвой, и он не мог разлепить веки, как ни старался.

– А хорошо его декурион по башке приложил... И ведь не сдох, собака иудейская. Ну! Идти можешь? – прозвучал уже знакомый голос.

Его совершенно по-хамски встряхнули. Один глаз удалось разлепить на мгновение. Он успел разглядеть двоих людей в тех же идиотских костюмах древних воинов, что и во сне. В одном из них по лексике и по синему кровоподтёку на подбородке он опознал давешнего грубияна. И снова дикий гнев, ранее несвойственный интеллигентному в общем человеку, лишил его возможности контролировать свою речь.

– Да кто вы, совокупляться в уста, такие?! – возопил он. – Никуда я с вами, мужеложцами, идти не собираюсь!

Коротко посоветовавшись, «воины» подхватили пленника под руки с двух сторон и почти понесли куда-то, ему оставалось только успевать переставлять ноги.

Пока его волокли, глаза по привычке к свету.

Большой, пыльный двор, с одной стороны ограниченный каменной стеной с деревянными воротами посередине, с трёх других – приземистыми строениями под черепичными крышами. Одно из строений выдавало своё предназначение валящим из трубы дымом и густым запахом готовящейся пищи. Посреди двора был колодец.

Смуглый человек, одетый в какое-то подобие подгузника, вёл под уздцы красивую гнедую лошадь. В тени галдели и громко смеялись несколько «легионеров». Они вдруг замолчали и с явным неодобрением уставились на пленника.

«Да нет, я не сошёл с ума. Это декорация. Они тут реалити-шоу на древнеримскую тематику снимают, – догадался он. – Но почему тогда все говорят на латинском?!»

Его подтащили к двери, по сторонам от которой торчали два вкопанных в землю древка. На одном был красный вымпел с вышитым золотом орлом, по отчётливой ассоциации – имперским, на втором – несколько позолоченных дисков, поставленных вертикально друг на друга, с искусно вырезанной кистью руки сверху.

Побитый конвоир вошёл в дверь и затворил её за собой. Его напарник отпустил пленника, и тот сразу осел на землю. Через минуту Синий Подбородок вышел и торжественно объявил:

– С тобой будет говорить декурион третьей турмы десятого легиона «Фретензис» Тиберий Куспис Порциус.

– А почему не Марк Туллий Цицерон? Я бы лучше с ним побеседовал, – пробурчал Антон Сергеевич, прежде чем его соскребли с земли и водворили в помещение. Там его поставили на колени, после чего дверь захлопнулась. Теперь глазам нужно было снова привыкать к перемене освещения: в комнате было единственное оконце, больше похожее на бойницу. Свет из него падал как раз туда, где поместили пленника, остальное пространство тонуло во мраке.

Стоять на коленях на твёрдом полу, со связанными сзади руками, было очень некомфортно, он немного расслабился и опустил зад на пятки... Понемногу стала прорисовываться обстановка. Конструкция, похожая на этажерку с витыми колоннами по углам. На её верхней полке – силуэт античного бюста. Массивный стол, заваленный свитками. Над ними... немигающие глаза, впериившиеся ему прямо в лоб. Это было несколько неожиданно: он думал, что один в помещении и вышепоименованный Тиберий Что-то-там-циус подойдёт позже. Он мысленно усмехнулся и уставился в эти глаза таким же немигающим суровым взглядом. Игра в гляделки продолжалась какое-то время. Вероятно, почувствовав, что это уже выглядит глупо, «римлянин» моргнул, зашевелился и резко прокаркал:

– Твоё имя, разбойник?

– Антоний Сергиус, – исковеркал он на римский манер своё имя. – А разбойником в последний раз меня называла моя бабушка.

– Кто ты такой и что делал в столь поздний час у акведука?

– Ничего, гулял.

– Не смей мне врать! – декурион подался вперёд к пленнику. – Признавайся! Ты гнусный шпион и хотел отравить воду!

– Вовсе нет, – он припомнил разговор своих конвоиров у ямы и решил схитрить, предчувствуя, что рассказывать о том, что совершал вечерний моцион, восстанавливаясь после операции на головном мозге, не стоит. – Командир, если честно, я не знаю, как там очутился. Кто-то крепко приложил меня по башке чем-то тяжёлым. Мне повезло, что я остался жив... Голова постоянно кружится и болит. А ещё я ничего не помню...

Римлянин усмехнулся и облокотился на спинку своего стула, который более походил на эдакий облегчённый, походный вариант трона.

– Это был я. И если бы я хотел убить тебя, твой труп сейчас доедали бы собаки.

Потом резко встал, обнаружив крепкое сложение при небольшом росте и по-будёновски кривые ноги, подошёл к пленнику и выхватил из ножен меч.

– Я ударил тебя плоской стороной, – он показал, как именно был нанесён удар, затем ловко бросил меч обратно в ножны. – Видно, немного переусердствовал, раз у тебя отшибло память. Стоять на коленях ровно!

Это было довольно неприятно: демонстрируя приём, Тиберий чувствительно задел рану на голове и, похоже, не случайно...

– И не совестно тебе так со мной обращаться? Я ведь тебе в отцы гожусь... – возмутился Антоний, но встал ровнее.

– О чём ты? – удивился римлянин. – Ты выглядишь не старше меня.

Эти слова подтвердили то, что какая-то поистине странная метаморфоза действительно произошла со старым телом Антона Сергеевича, а вовсе не почудилась из-за черепно-мозговой травмы. Пока декурион говорил, пленник принялся осматривать части своего тела, которые попадали в поле зрения.

– Ты сражался как бешеный зверь, я должен был остановить тебя... – это признание явно далось декуриону с трудом, видимо, застыдился, что пришлось поступиться кодексом воинской чести, напав исподтишка. Он подошёл к окну и отвернулся, чтобы скрыть смущение. – Один из моих воинов никогда уже не увидит Рима. Мне надо писать его вдове и объяснять, почему я не уберёг его от смерти в мирное время. Ещё двое на излечении...

Антонию было не до тонких чувств кавалериста. Он внимательно изучал свои бедра, плотно обтянутые материей – крепкие, мускулистые, они не могли принадлежать пожилому человеку. Прислушавшись к внутренним ощущениям, он вспомнил нечто давно забытое... До этого его отвлекали дурнота, шок от происходящего, постоянная смена освещения. А теперь... Да! Оно самое – ощущение молодости и полноты сил.

– Однако постой. Своё имя-то ты помнишь, мошенник! – тем временем осенило Тиберия, и он резко развернулся к пленнику.

– Имя помню... А все, что было до того, как я оказался в яме – нет, – не сразу ответил Антоний.

– Предположим... Пока я делаю следующий вывод, – Тиберий энергично заходил по комнате из угла в угол, размышляя вслух. – Диверсию я отвергаю. Мы перерыли песок на локоть в глубину вокруг места, где тебя обнаружили. Ничего похожего на сосуд с ядом не нашли... Ты либо дезертир; говоришь на латыни свободно, ловко обращаешься с гладиусом, а амнезию симулируешь, дабы избежать заслуженной кары. Либо сумасшедший. Либо то и другое вместе... В любом случае тебя ждет смерть на арене в зубах голодных и диких животных.

– Вот как... – пленник опешил от столь неочевидного вывода из довольно логичных до этого умозаключений. – Может быть, суд сначала? Врачебная комиссия?

Тиберий немедленно остановился, отставил ногу и приосанился.

– Я здесь и судья, и врач! Баста!

Выдержав паузу, он расслабился и вернулся на свой трон.

– Но ты мне нравишься, и я дам тебе выбор, – заявил он.

– Это какой же? – угрюмо спросил Антоний, интуитивно не ожидая ничего хорошего.

– Ты славный воин и достоин чести умереть в бою с себе подобным! – торжественно произнёс римлянин. – Грядут игры в честь десятилетия правления Понтия Пилата, и ты, если постарайся, сможешь принять участие в этом грандиозном событии. Я могу сделать тебя гладиатором!

– Если честно, я вообще ничего подобного не планировал... – признался растерянный Антоний.

Явно разочарованный тем, что его щедрый дар не был оценен по достоинству, Тиберий сухо подытожил:

– Со щитом или на корм тиграм – третьего не дано. В качестве бестиария³ ты стоишь не многим больше облезлого барана. Если же будешь сражаться так, как умеешь, я получу за тебя как за породистого скакуна... И довольно разговоров! Тебя вернут на место, в яму, где ты сможешь спокойно обдумать моё предложение.

– Командир, а можно, я подумаю где-нибудь в другом, более подходящем для этого месте? – с надеждой спросил пленник.

– Ничто так не способствует умственным упражнениям, как темнота и уединение. Они направляют поток мысли в нужное русло. Эту яму для шпионов я придумал сам, – Тиберий снова встал, сложил на груди руки и задрал голову. По всей видимости, гордость была для него настолько важной и основополагающей эмоцией, что он выражал ее всем телом. – В отличие от обычной, например, долговой ямы она имеет непроницаемую для света крышку. Люди в ней становятся более честными и стоворчивыми. Преступники раскаиваются и признаются в своих преступлениях. Шпионы рассказывают то, чего не знали.

Расписав преимущества своего изобретения, он не спеша подошёл к выходу и повернулся к пленнику.

– Ступай! Я надеюсь на твоё благоразумие. Подумай, что ты теряешь и что обретаешь, приняв правильное решение. И помни, как только согласишься, сразу же попадёшь в совершенно иные условия. Голову твою подлечим. А потом я продам тебя в лучшую в Иудее школу гладиаторов. Образу жизни её питомцев позавидовали бы некоторые аристократы, – он подошел к двери и распахнул ее ударом ладони. – Стража!

³ Бестиарий – гладиатор, сражающийся с животными. Часто неумелый и плохо вооружённый.

В яме Антония ожидали соломенный тюфяк, а еще миска с бараньей похлёбкой и костью, на которой даже было немного мяса. Похлёбка была недурна – если бы ещё соли поменьше да перца побольше... Хлеб, сопровождающий эту трапезу, был груб, но вкусен, или это от голода так показалось... Узнику дали насладиться едой при свете и, когда он выбросил наверх миску, захлопнули крышку.

Вопреки обещаниям древнеримского Мюллера, темнота несколько его не угнетала. После еды и боль в затылке стала как будто меньше. Он лёг на тюфяк и почти сразу заснул.

Во сне к нему пришёл генерал КГБ, который когда-то курировал его работу в секретном НИИ, и безапелляционно заявил:

– Собирайся, сынок! Ты снова нужен Родине.

Они полетели на вертолёте в тайную лабораторию в Алтайских горах, которая была оборудована самым мощным суперкомпьютером в мире. На КПП их встречал деревянный длинноносый робот с в форме ефрейтора внутренних войск:

– Узнаешь меня, папа Карло? Я так долго тебя ждал...

Потом сон плавно перетёк в воспоминания о тех временах, когда был по-настоящему молод.

1

Когда Антон учился на четвёртом курсе факультета математики, в университете появился один из тех самых протокомпьютеров, которые занимали несколько помещений, а по производительности были ненамного эффективней бухгалтерских счётов. С первого взгляда талантливый аспирант влюбился в эту пахнущую озоном вибрирующую грудку. Благоговейно заглядывал он в чёрную, с зелёными искорками символов бездну мониторов, нежно касался упругой клавиатуры кончиками пальцев, одну за другой погружал в пластмассовое нутро машины перфокарты, трепещущие в тёплом дыхании её радиаторов.

Антон стал одним из первых в стране информатиков-программистов. С самого появления понятия «программа» в значении алгоритма для электронно-вычислительной машины стало ясно, что цель научно-технического прогресса в этом направлении – это изобретение более совершенных инструментов рационального познания, чем человеческий мозг. Молодой учёный неизлечимо заразился перспективой, открывающейся для пытливого ума, и с головой окунулся в омут непознанного. Тогда как большинство его коллег пытались использовать ЭВМ как продвинутый арифмометр, исключительно для вычислений, он мечтал научить машину думать и чувствовать. Основной темой его научных изысканий стал ИИ – искусственный интеллект...

Примерно через полгода после защиты кандидатской диссертации его вызвали к ректору. Войдя в кабинет, Антон сразу же почувствовал в воздухе какое-то почти электрическое напряжение.

В кресле ректора сидел аккуратно подстриженный седой старичок в сером костюме. Сам ректор, обычно уверенный в себе и ироничный, сидел на стуле для посетителей, скромно сложив руки на коленях. Он был бледен и явно растерян. Вместо того, чтобы представить незнакомца и предложить присесть, он промямлил, обращаясь к старичку:

– Эту статью он, – ректор бросил взгляд под ноги Антону, – опубликовал без всякого участия со стороны администрации университета. Да я вообще не помню...

– Вы не могли бы нас оставить? – холодно прервал его старичок. – Благодарю.

Ректор покорно встал и вышел из своего кабинета, все так же избегая смотреть на Антона.

– Как все-таки некоторые меняются при виде служебного удостоверения... – старичок достал из внутреннего кармана кроваво-красную «корочку» и проворно развернул её.

Антону бросился в глаза крупный шрифт «Комитет государственной безопасности СССР» и дальше прописью «генерал-майор...» Удостоверение захлопнулось и вернулось в недра серого костюма.

Антону удивило, что его скромная персона могла заинтересовать столь важного дядьку из комитета. Вины никакой он за собой не знал и не чувствовал. Мысли по поводу государственного устройства всегда держал при себе. О какой его статье может идти речь, он даже не подозревал, их было несколько, опубликованных в разных изданиях. В любой из них ничего крамольного или подрывающего устои советского государства не было и быть не могло...

– Чем могу служить, товарищ генерал? – живо поинтересовался он.

– Ну-ну, зачем же так формально? Василий Степанович, с вашего позволения, – старичок церемонно кивнул. – А служить можете. Во-первых, я хотел поговорить я хотел с вами об этом, – Василий Степанович перевёл глаза вниз.

Оказалось, что на столе перед ним лежал номер «Журнала вычислительной математики и математической физики», тот самый, в котором была статья Антона об электронно-вычислительных машинах с неустойчивым состоянием. В этой статье, будучи аспирантом кафедры прикладной математики, он решил пофантазировать о том, что будет, если некое множество

условных транзисторов, хаотично между собой связанных, получив импульс извне, будут, реагируя на него, непрерывно посылать друг другу сигналы различной мощности, и как в этом случае заставить их генерировать нужный экспериментатору ответ.

– Что же в этой статье могло заинтересовать ваше ведомство, Василий Степанович? – Антону становилось все любопытнее...

– Если честно, – старичок доверительно наклонился к собеседнику, – я ничего не понял... Вы не могли бы в двух словах объяснить, о чём здесь речь?

Антон не мог взять в толк, зачем это генералу КГБ понимать смысл довольно специализированной статьи, но терпеливо пояснил:

– Видите ли, некогда в нейрофизиологии была популярна концепция функционирования мозга, по которой нейроны либо посылают друг другу электрический импульс, либо нет. Эту идею использовали для разработки двоичного кода для ЭВМ. Ноль, единица. Знаете?

Старичок кивнул.

– Так вот. Потом выяснилось, что у нервных клеток не цифровая передача, а аналоговая...

Лицо генерала выразило недоумение. Антон пояснил:

– То есть они ретранслируют электрические разряды различной мощности, не «есть-нет», а целый диапазон от нуля до условной единицы. Притом делают это постоянно – клетки всегда под напряжением. Но двоичный код уже закрепился для всех вычислительных приборов. То есть на основе неверной теории родилась активно применяемая практика.

Антон сделал паузу, желая убедиться в том, что его понимают. Старичок кивнул почти сразу. Антон продолжил:

– Я же в этой статье предлагаю модель ЭВМ, действующей по принципам, которыми современные нейрофизиологи объясняют работу мозга. Вот и все вкратце...

После небольшой паузы генерал вдруг заговорил официальным тоном:

– Насколько мне известно, ваша диссертация была посвящена теоретическим основам создания искусственного интеллекта. Тема по нашим временам чересчур новаторская, даже дерзкая. Многие отговаривали вас и упрекали в схоластике. Это так?

Теперь кивнул Антон. Он все ещё не мог сообразить, к чему клонит генерал. Попытался объяснить:

– Если бы Джордано Бруно в своё время...

Старик вдруг хлопнул ладонью по журналу и прокаркал:

– Не надо! На кой ляд мне Бруно?! Я про тебя спрашиваю! Почему не прислушался к мнению старших товарищей?

Антон вскочил.

– Во-первых, нечего мне тут тыкать! Пацана нашли! А во-вторых, плевать я хотел на мнение всяких маразматиков!

Повисла звенящая пауза. Потом генерал вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался.

– Молодец! Так нас, маразматиков! Да вы присаживайтесь, Антон Сергеевич, мы ведь только начали...

Антон сел, отдуваясь.

– Ерунду, значит, придумали с двоичным кодом этим? – озорно подмигнул старикашка.

– Да нет... Вовсе нет! Просто код этот и вся архитектура фон Неймана... они хороши для калькулятора, а не для имитации человеческой мысли.

– А вы считаете, что в состоянии предложить более перспективную альтернативу?

Молодой учёный заговорил горячо:

– Если дура-природа умудрилась случайным образом сотворить человеческий разум, то почему человек, пользуясь этим самым разумом, не может создать нечто подобное?

Лицо старика изобразило недоверие.

– Да вы поймите... Ничего сверхъестественного... В мозгу новорождённого примерно такое же количество нейронов, как и у взрослого, – когда Антон расхотелся, он говорил все быстрее, при этом никогда не теряя нити. – Меняется только количество связей между ними, серое вещество прорастает проводящими отростками нейронов, дендритами. Я сам видел срезы. Это как... предтундровое редколесье и тропические джунгли. Когда плод находится в утробе, он получает очень мало сигналов извне, их недостаточно для начала развития сложного нервного взаимодействия. Потом, когда ребёнок рождается, его мозг начинают прямо-таки бомбардировать импульсы ото всех органов чувств. Нервные клетки под их воздействием начинают тянуться друг к другу, в поисках адекватного ответа. У каждой появляется до тысячи связанных с ней соседей. Естественно, она находит их случайно. Не будете же вы подозревать отдельно взятую нервную клетку в способности принимать решение о том, с какой коллегой ей нужно связаться? И вот в этой электрической каше на смену примитивным рефлексам приходит мысль... Так почему же, чёрт побери, не воссоздать такую модель *invitro*?

Старичок слушал эту тираду с довольной улыбкой, но, когда Антон замолчал, вдруг снова стал официальным.

– А что если бы вам предложили самую современную лабораторию в мире и всю мощь страны Советов в придачу для воплощения этой вашей идеи?

Антон снова вскочил.

– Это все, чего я хочу от жизни!

Генерал тоже поднялся и торжественно произнес:

– Добро пожаловать, Антон Сергеевич, под крыло моего управления по передовым научным разработкам. Сам лично буду курировать работу вашей лаборатории.

Он протянул руку, Антон с удовольствием пожал её.

– Собирайся, сынок. Секретный институт находится в области. Завтра же получите с женой неподалёку коттедж, – Василий Степанович поднял палец, – двухэтажный, прудик рядом живописный. Купаться можно, рыбу скоро запустим... Машину пришлю завтра в восемь.

Теперь, когда Антон согласился работать с ним, генерал снова перешёл на интимное «ты», на этот раз Антон не возражал.

II

Однако темнота и уединение начинали делать своё дело. В голову полезли разные черные мысли. Чтобы отогнать их, решил предпринять ещё одну попытку разобраться в происходящем.

Кавалерист говорил, что грядущие игры будут посвящены десятилетию правления Понтия Пилата. Как раз накануне читал об этом периоде истории Кесарии – здесь сейчас должен быть тридцать шестой год. Просто тридцать шестой, без каких-либо иных цифр перед. Но ведь попасть в прошлое нельзя! Абсолютно невозможно. К сожалению...

* * *

Как-то раз, в девяностые, когда уже все рухнуло, в качестве халтурки отлаживал Антон Сергеевич локальную компьютерную сеть в черноголовском институте теоретической физики имени Ландау. Вышел покурить. Место для курения было устроено у большого деревянного полупрофиля знаменитого основателя института – латунная пепельница на тонкой ножке меж потертых кресел.

Рядом плюхнулся какой-то лохматый тип. Длинное лицо и волосы в сочетании с круглыми очками делали его похожим на Леннона. Он достал нервными пальцами пачку дорожщего «Parliament» и прикурил от экзотической по тем временам «Zippo». Математик курил «Oral» и из некрасивых побуждений решил подколоть физика.

– Извините, пожалуйста. Можно вопрос?

– Да-да. Конечно, – раздраженно ответил тот.

– Скажите, а чем, собственно, вы здесь занимаетесь? Компьютеры у вас тут не очень... На них положительно невозможно делать серьезную работу, – небрежно произнес математик.

Физика буквально на секунду перекосило, но он быстро восстановил контроль над мимикой:

– Компьютеры действительно слабоваты. Это беда... Но для того, чтобы даже приблизительно объяснить вам, чем мы тут занимаемся, мне потребуется очень много времени. Мне совершенно недосуг. Извините.

– А вы все-таки попытайтесь, в двух словах, – не унимался математик.

Физик закатил глаза.

– Хорошо. Вы верите в возможность перемещения во времени или, например, нуль-транспортировку?

– Конечно. Надеюсь, в обозримом бу... – забубнил математик.

– Так вот никогда! – у физика даже вена на лбу вздулась. – Ни-ко-гда этого не будет! Абсолютно невозможно. К сожалению... Благодарю вас за испорченный перекур!

«Леннон» зло раздавил полсигареты в пепельнице и убежал.

А Антон Сергеевич остался сидеть под строгим взглядом деревянного Ландау.

Он расстроился. Надежды на то, что человечество когда-нибудь научится мгновенно перемещаться во времени и пространстве, были разрушены, и это удручало... Oral кончился, и Антон Сергеевич, озираясь, выудил из пепельницы бычок Parliament и докурил. Серьезный ученый в недавнем прошлом, он привык для экономии времени доверять таким же серьезным ученым – представителям других наук. Разобраться во всем самому невозможно, времена универсалов – Ломоносовых и Да Винчи давно прошли. И чтобы досконально понять то, что выразил ему сейчас в двух словах этот физик-психопат, нужно было бы прожить совсем другую жизнь, а на это ни у кого не хватит времени...

* * *

Так вот. Это не какая-то там дремучая античность. Значит, окружающая действительность есть ничто иное, как собственная психопродукция. Сложная зрительная, слуховая, осязательная, словом, задействующая все чувства галлюцинация. Установить ее причину: сумасшествие, летаргический сон или нахождение в коме или под воздействием психоактивных веществ – пока возможным не представляется...

Кстати, вариант с комой выглядит наиболее убедительно. Сидел на пляже, рыдал, на закат глядячи, – вот и хватил удар от переизбытка чувств. Инсульт. Лежит сейчас туловище на искусственной вентиляции лёгких, а мозг от нечего делать создаёт себе альтернативную реальность.

В любом случае: в дурдоме или в коме – все происходящее есть одна сплошная фата-моргана. И его фантомная сущность молода, сильна и проворна настолько, что ей предлагают карьеру гладиатора... Опасаться за её здоровье, пожалуй, глупо. Так же, как и беспокоиться о здоровье фантомов, с которыми придётся сражаться на арене.

Кстати! Упрёк Тиберия по поводу убитого и двух покалеченных легионеров более не должен тревожить совесть все по той же причине...

Вся эта галлюцинация очевидно интерактивна, надо просто сделать её более комфортной. Объяснять окружению свою инородность – ни к чему хорошему не приведёт. Примут за сумасшедшего и отправят на арену в зубы фантомных хищников, и вряд ли это доставит приятные ощущения, хоть и фантомные.

Значит, надо соглашаться на предложение кавалериста...

Но как осточертела уже эта темнота! В ярости схватил кувшин и швырнул вверх... Раздался хлопок. Посыпались черепки и закапала вода. От напряжения опять ломануло в затылке.

«Дурак! Что с нервами?»

Чтобы успокоиться, принялся переделывать под ситуацию песню Высоцкого из фильма «Интервенция». Получилось следующее:

*Вам даже могут предложить не прогадать,
Ах, скажут, вы же гладиатор от рождения,
Не лучше ли кишки на меч мотать,
Чем тигру в пасть попасть на пропитанье...*

«Рождения-пропитанье – так себе рифма», – но лучше не нашёл и продолжил:

*Суп из барана навевает что-то,
И с каждой ложкой веселее думы,
Домой охота, как домой охота!
Но надо выбрать гладиаторский сектор.*

Откуда взялся этот «сектор», было не совсем ясно. Наверное, что-то из «Спартака».

*Или пляжи, акведуки, или даже
Две гетеры, или римская матрона,
Колесницы, скачки, вина и маслины.
Ну а получишь... нос от Буратино.*

Измывательство над Владимиром Семёновичем было прервано грохотом откинутой крышки... На этот раз спящего солнца не было – у одного из конвоиров в руке горел факел.

Комната Тиберия в мягком свете масляных светильников показалась даже уютной. Римлянин спросил строго:

– Ну? Что ты надумал?

– Да, – просто ответил Антоний.

Тиберий немного подождал продолжения, потом вскочил с места.

– Твоя лаконичность делает тебе честь!

Быстрыми шагами прошёл к двери и, распахнув её, закричал:

– Эй, Умбра! Неси вино!.. Фалернское... Нет! Водой разбавлять не надо – у меня не баба в гостях... Суррентским разбавь. И яйцо голубиное туда выпусти, – повернулся к Антонию. – А ты дай мне слово – если развяжу, не накинешься на меня!

Будущему гладиатору выделили отдельную комнату в сарае рядом с ямой. Обычно она использовалась как гауптвахта для провинившихся легионеров. В неё принесли ложе с тюфяком и подушками. Руки ему больше не связывали, но за дверью постоянно дежурили два вертущая в полной древнеримской выкладке.

Приходил лекарь, который вздрагивал при каждом движении пациента, из чего явствовало, что у него на лечении находились сейчас пострадавшие от руки пленника легионеры, и он был прекрасно осведомлён, при каких обстоятельствах они пострадали. Лекарь рекомендовал покой, свежий воздух и немного вина на сон грядущий. Пациент вспомнил доктора из Москвы, который дал ему те же самые рекомендации две тысячи лет тому вперёд...

Среди инструментов лекаря оказалось небольшое зеркало из когда-то отполированного, но теперь изрядно поцарапанного белого металла. В нем удалось разглядеть лицо молодого человека лет примерно тридцати. Красивое и мужественное, с большим горбатым носом, оно обрастало темной курчавой бородкой по периметру. Глаза были большими и то ли карими, то ли совсем черными, а вовсе не голубыми, как в нормальной жизни. Это лицо прекрасно подходило к новоприобретённому телу античного атлета. У Антона Сергеевича всегда была непримечательная светленькая славянская внешность, а этот, в зеркале, мог оказаться как благородным римлянином, так и галахическим иудеем.

Следующая неделя была довольно однообразна.

По утрам Антоний приходил в себя после «лечения» накануне – Тиберий очень серьёзно относился к рекомендациям лекаря и лично контролировал вечерний приём «лекарства».

От нечего делать Антон Сергеевич предавался воспоминаниям, строил гипотезы о происхождении и о способах возвращения в привычную реальность...

В комнате Антония было окошко, настолько узкое, что в него невозможно было бы просунуть голову. Из него открывался вид на море и кусок берега. Иногда по берегу проходили люди и лошади, а по морю проплывали суда: неторопливые торговые парусники, стремительные военные галеры и рыбацкие лодчонки без счёта. Сквознячок, проникающий в окошко, обычно был свеж, но иногда нёс в себе смрад мёртвых обитателей моря.

Охранники, приставленные к узнику, на интерес и на деньги резались между собой в табулу – предтечу нарда. От скуки он научил их играть в шашки. На роль фишек отлично подошли камушки для табулы, поле же Антоний нацарапал на обратной стороне доски для этой игры. Новое развлечение произвело фурор в лагере. Вокруг игроков стали собираться свободные от службы легионеры и гражданский персонал гарнизона. Разобравшись в сути игры, они стали стаскивать скамейки и столы к обиталищу Антония и устраивать турниры. В процессе они азартно спорили и лезли в драку из-за разночтений в правилах, и «гостю из будущего» приходилось выступать в роли третейского судьи. Он также проводил сеансы одновременной игры, в которых неизменно выигрывал, чем снискал огромное уважение, и ему перестали поминать

поверженных им товарищей. Антоний начинал подумывать о том, чтобы познакомить этих людей с шахматами. Надо было только решить, как изготовить фигуры. Ему уже даже пообещали привести местного резчика по дереву, но дальнейшее развитие событий помешало этой идее сбыться...

Вечером его отводили на ужин к декуриону. И это было замечательно. Антонию нравились и кухня, и разговоры, которыми его угощали. Тиберию это времяпровождение тоже явно доставляло удовольствие.

Рабочая обстановка сдвигалась к стенам, а на центр комнаты ставили низкий квадратный стол и две кушетки, предназначенные для возлежания за трапезой. Хозяин и гость укладывались напротив друг друга. Эта позиция для принятия пищи не потребовала от Антония привыкания – сразу оказалась очень удобной.

Сначала Тиберий по-матерински радовался известиям о том, что его трофей идёт на поправку. Потом они приступали к трапезе, обильно сдабривая её вином.

Стол у Тиберия был прост, но основателен. К главному блюду, разнообразно приготовленному мясу, птице или морепродуктам, в качестве гарнира прилагались свежие и запечённые овощи и фрукты. К столу подавались также колбасы, ветчина и копчёности. Как-то Антоний спросил у Тиберия, почему тот пренебрегает сырами. Римлянин сказал, когда отсмеялся:

– Честное слово, что-то серьёзно повредилось в твоей бедной голове. Кто в здравом уме, кроме рабов и нищих, станет есть это испорченное молоко?

Десертами хозяин не баловал. Из напитков подавались исключительно вина. К этой части угощения Тиберий подходил с особым вниманием. Кроме ямы для шпионов, на территории части был вырыт ещё и винный погреб для его личных запасов. Там хранились амфоры и бочонки с коллекцией вин со всего света. Каждый новый подаваемый сорт Тиберий предварял исторической и географической справкой, органолептической характеристикой и рекомендациями по способу употребления: с какой пищей сочетать, чем и в какой пропорции разбавлять. Была у него и собственная метода сочетания вин с любовными утехами, которой он по товарищески делился.

В подпитии римлянин был горазд пофилософствовать, причем обнаруживал пытливый, живой ум, хоть и по-военному прямолинейный. Как Тиберий однажды поведал, в школу он не ходил, его образованием занимался домашний учитель-грек. Затем в школе всадников он получил кое-какие общие знания, кроме необходимых для военачальника. К тому же за семь лет службы в «этой дыре» он пристрастился не только к пьянству, но и к чтению. Он обожал щеголять эрудицией и обильно приправлял свою речь высказываниями греческих и римских философов.

Многое из того, что говорил Тиберий, вполне соответствовало образу мысли Антония. Иногда ему даже казалось, что он говорит сам с собой. Это могло бы утвердить эгоцентрическую теорию происходящего, но по некоторым вопросам они не сходились категорически. Главным источником разногласий были их прямо противоположные представления о справедливом государственном устройстве. Так, римлянин искренне, с жаром отстаивал рабовладение. Он даже приводил цитаты каких-то древних демагогов, оправдывавших эту дикость.

Как-то раз у них состоялся такой разговор. После обстоятельной дегустации цекубского, под жареных раков и африканских улиток в уксусе, Антоний как бы между прочим предложил:

– Слушай, Тиберий, ты ж хороший человек... Почему бы тебе не отпустить меня на все четыре стороны?

– И куда ты пойдешь? Для тебя лучший выход сейчас – стать гладиатором. В твоём случае очень справедливы слова Квинта Секстия: освободить раба – все равно, что выгнать собаку на улицу, где ее ждут голод и смерть. А ты, со своими провалами в памяти, даже проголодаться не успеешь... Не любят у нас блаженных – на крест или копье в печень.

В другой раз они заспорили из-за высказывания, которое привёл Тиберий:

– Раб мечтает не о своей свободе, а о своих рабах. Цицерон сказал! Не собачий член... Что означает: изжить рабство так же невозможно, как изменить природу человеческую.

– Ну... на каждого мудреца довольно простоты, – ответил на это Антоний. – И, вообще, мне кажется, он другое имел в виду...

– Подожди! Как ты сказал? – перебил его всадник.

– Что?

– Ну вот это... Каждый мудрец... довольно... прост. Нет, не так... Скажи!

– А. Тебе понравилось? На каждого мудреца довольно простоты.

– Да. Это хорошо! Что-то как будто знакомое... Кто сказал? Платон?

– Да нет. Александр.

– Македонский?

– Островский.

– Грек, что ли?

– Ну пускай будет грек...

– Не знаю такого... – недовольно пробурчал Тиберий. – Так и в чём ты с Цицероном не согласен?

– Я не говорю, что не согласен. Я говорю, он другое имел в виду. Что-то там... Подожди, я забыл, – Антоний сам наполнил кубки. Они выпили. – Да! Я понял, это ты причину со следствием перепутал... Цицерон не имел в виду неизбежность рабства. Он говорил о рабской психологии, которая является следствием, а не причиной рабства.

– А, может, это ты что-то перепутал? – глаза римлянина начали наливаться кровью, кулаки сжались.

Антоний, как будто не замечая этого, спокойно продолжил:

– По-твоему получается... ну, как... утопист этот у Стругацких рассуждал... У каждого свободного человека должно быть не менее трёх рабов.

Римлянин спросил угрюмо:

– Стругацкий? Опять грек?

– Ну пускай будет грек...

– Не знаю такого! – Тиберий с досадой пнул скамейку, стоявшую у него в ногах, она с грохотом ударилась о стену, отлетела ножка.

Происходящее напомнило Антонию сцену из культового старинного кинофильма. Он с трудом сдержал смех – не хотел ещё больше разозлить кавалериста. Из вежливости, не от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.